

ГЮСТАВ

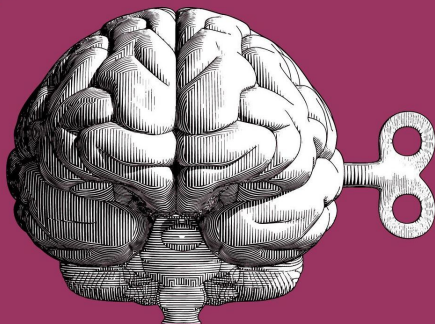
ЛЕБОН

психология народов и масс

с комментариями и объяснениями
Александра Маркова

цивилизация состоит
из постепенных
изменений

сила эпохи –
могущество масс

сила толпы
направлена лишь
к разрушению

народы гибнут,
когда портятся
их души

Гюстав Лебон
Александр Викторович Марков
Психология народов и масс
Серия «Философия на пальцах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51836151

Психология народов: с комментариями и объяснениями:

ISBN 978-5-17-119957-9

Аннотация

Гюстав Лебон один из первых начал говорить о том, насколько страшно человеку оказаться в толпе. Здесь снижается его уровень интеллекта, падает ответственность и самостоятельность, исчезает личность.

Проведя множество исследований, Лебон доказал, что развитие или упадок общества зависят от биологических инстинктов и грамотных речевых стратегий, с помощью которых можно манипулировать народными массами.

Его книги «Психология народов» и «Психология масс» стали одними из самых обсуждаемых и востребованных новинок конца XIX века, и интерес к ним не утихает до сих пор. В них показан механизм влияния на народные массы.

Теодор Рузвельт переводил и пропагандировал книги Лебона, а его выводы о существовании коллективного бессознательного были восприняты Зигмундом Фрейдом.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Деятельный пессимист	6
Психология народов	17
Второй отдел	19
Глава I	19
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Гюстав Лебон
Психология народов:
с комментариями
и объяснениями

© А. Марков, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Деятельный пессимист

Гюстав Лебон (правильнее – Ле Бон, аристократическая фамилия с префиксом) родился 7 мая 1841 года в Ножан-ле-Ротру, в провинции Эвр-и-Луара. Дворянский герб Ле Бонов известен с 1698 года. Среди предков философа были бургундцы и бретонцы – представители народов Франции, подчинившихся единому централизованному государству. Если Бургундия стала повиноваться французской короне еще в XV веке, то Бретань, хотя и получила тогда же королевского наместника, долго сохраняла независимость. Бургундцы со времен Столетней войны признавались представителями городского севера, противостоящего сельскохозяйственному югу, а кельтское население Бретани всегда тяготело к независимости и даже союзу с Британией. Вероятно, неожиданная для Франции любовь Лебона к английскому образованию и американскому духу предпринимательства происходит из его детских впечатлений.

Отец философа, Жан Мари Шарль Лебон, был правительственным чиновником, мать, Аннет Жозефина Эжени Тетье Дезмалинс-Лебон, полностью посвятила себя воспитанию детей: Гюстава и его младшего брата Жоржа, которого в семье называли Георгом (на английский лад) и который потом стал обычным бюрократом. Когда Гюставу было восемь лет, семья покинула родной город Ножан-ле-Ротру, и кажет-

ся, он больше здесь не был даже проездом.

Новым пристанищем семейства стал город Тур на реке Луара, долгое время являвшийся столицей Франции: в 1461 году туда переместился королевский двор, в 1583-м – парламент, и лишь приход к власти династии Бурбонов в самом конце XVI века вернул столицу в Париж. Тур был центром протестантского сопротивления во время Столетней войны, а потом, после изгнания протестантов в Англию, когда здесь прекратило существование ткацкое производство, стал просто важным военно-стратегическим центром. Обстрелы и пожар города во время Франко-прусской войны произвели на Лебона большое впечатление, хотя к тому времени он уже десять лет жил в Париже.

Будущий философ учился в классическом лицее Тура, и по воспоминаниям учителей, не отличался хорошей успеваемостью по латинскому и древнегреческому языкам, скучая над книгами и заявляя о себе как о приверженце естественных наук. В 1860 году он поступил на медицинский факультет Парижского университета и в 1866 году получил диплом доктора медицины. Систематически врачебной практикой Лебон никогда не занимался, да и во время учебы предпочитал другие науки, читая множество книг по экономике или этнографии. В чем-то он напоминает своих русских современников, учившихся медицине и так же не любивших систему и желавших все переделать, которых в России называли

«нигилистами».

Как ученый-медик Лебон опубликовал свою первую работу еще на втором году обучения. Она была посвящена хроническим заболеваниям жителей болотистых местностей с нездоровым климатом. Лебона интересовало явление интоксикации, постоянного отравления, в частности, он связал лихорадку с жизнью в так называемых нездоровых местах — с изобилием болот, плохо продуваемых. А диссертация его была посвящена клинической смерти: этот вопрос в то время был очень актуальным, методы определения того, умер человек или нет, были несовершенными, и не раз случалось, что земле предавали тех, кто находился в состоянии длительной клинической смерти. Люди, боясь, что их похоронят заживо, даже придумывали устройства, вроде проведенного в гроб звонка, который должен был просигнализировать работникам кладбища, что человек на самом деле не умер. Лебон настаивал: о смерти можно говорить лишь тогда, когда мы видим действительно не совместимые с жизнью повреждения мозга и центральной нервной системы, и для признания кончины нужно доказать, что мозг никогда больше не будет функционировать. Он первым предложил программу «оживления» мнимо умерших, с помощью стимулирования нервной деятельности, электрическими разрядами, искусственным дыханием и другими мерами, которые тогда технически не были осуществимы.

В 1868 году Лебон выпустил книгу «Психология размно-

жения человека и высших животных», посвященную связи физиологических и психологических факторов размножения. Эта работа, несмотря на большой объем, стала бестселлером: профессионалы получили исчерпывающий справочник по половому размножению, его особенностям и патологиям, а любителям нравилась почти анекдотическая тема книги. Статьи Лебона в то время были посвящены гигиене: он отмечал отставание Франции от Германии и Англии в области борьбы с алкоголизмом среди молодежи, предупреждения венерических заболеваний. Именно он стал употреблять грозное слово «вырождение» и утверждал, что рано или поздно это обернется захватом Франции.

Когда началась Франко-прусская война, Лебон сразу отправился на фронт, где соединял постоянную практически круглосуточную врачебную практику с написанием новых научных работ. Он проявил себя и прекрасным организатором, наладив работу карет скорой помощи. Его заинтересовала проблема паники на войне, которая приводит к поражению, и он написал целую книгу о том, как можно предупредить ее и страх поражения. По сути, Лебон стал первым исследователем «стресса», указывая, что паника возникает не только из-за сильного испуга, но и из-за накопления отрицательных эмоций. Его труд был отмечен вниманием французского командования и орденом.

В 1871 году Лебон работал в Париже, где стал свидетелем Парижской коммуны. Наблюдения над разгулом рево-

люционной стихии заставили его задуматься о том, почему люди так резко меняют не только настроения, но и жизненные установки. Он предложил модель «толпы», которая никогда не может развить достаточный уровень умственной отстраненности от событий, но реагирует на самые примитивные реакции. Конечно, Лебон был слишком напуган, поэтому рассматривал Коммуну не как политический проект, а лишь как случай массового психоза. Но этот шок превратил его из просто успешного ученого-медика в социального психолога. Конфликты с коллегами и неудачи в любви усилили пессимизм и мизантропию Лебона, и некоторые совершенно неприличные высказывания об умственных способностях женщин, встречающиеся в его статьях («мозг женщины равен по объему мозгу гориллы, а не человека»), объясняются и личной страстностью, и обидой.

В 1874 году он выпускает книгу «Жизнь», посвященную вопросам гигиены, которая сразу становится настольной у многих врачей и больше других трудов влияет на распространение здорового образа жизни. Позднее он также создавал работы по гигиене, например, в 1880 году – исследование о вреде курения. Кстати, в 1875 году Лебон отметил, что стал одним из немногих ученых, живущих на гонорары со своих книг и выступлений. Блестящие ораторские способности способствовали его успеху. Он был также изобретателем: первым создал переносной фотокомплект и комплект измерительных инструментов для антропологов, изу-

чавших строение организма разных рас и народов. Для нас на это изобретение легла мрачная тень позднейшего расизма, но Лебон считал, что, например, изучив физиологию горцев-долгожителей или физически сильных жителей Карпат, он сможет создать новые методы лечения заболеваний, оздоровительного спорта и тренировок. Изучение физиологии здесь шло бок о бок с изучением психологии. Для этого наш философ организовывал экспедиции к малым народам Карпат, исследуя образ жизни и мышления этих людей и сопоставляя полученные данные с их физиологическими показателями.

Лебон подружился с Теодюлем Рибо, создателем журнала «Философское обозрение», который выводил развитие человека из внимания при труде и ввел в психологию термины «ангедония» (болезненное отсутствие способности наслаждаться как результат душевной травмы) и «аффективная память» (воспроизводство эмоций как основа социальной деятельности), а также с Жаном Мартеном Шарко, крупнейшим клиническим психологом, французским учителем Зигмунда Фрейда. Благодаря общению с коллегами Лебон развивал методы экспериментальной психологии и стал считать, что эксперимент гораздо важнее наблюдения или сбора статистических данных.

Первой его большой работой по социальной психологии стала книга «Человек и общество» (1881), где мыслитель развивал теорию эволюции, объясняя многие особенности

социального поведения людей механизмами эволюционной адаптации. Главным понятием, связавшим биологию и психологию, у него стал «рефлекс», непосредственная реакция на раздражение. В социальной жизни рефлекс перерастает в «чувство», которому невозможно сопротивляться, как невозможно долго сопротивляться ощущению боли или радости. Поэтому в социальной жизни и отдельный человек, и тем более толпа часто поступает неразумно, и лишь воспитание в себе воли и внимания позволяет преодолеть эту власть чувств. Иначе, считал Лебон, человечество может вымереть как вид, повторив судьбу многих биологических видов в процессе эволюции.

В 1882 году философ отправляется в путешествия по разным странам. Он был откровенным расистом, и считал, что изучит сравнительные характеристики различных народов и их способность к самоорганизации и созданию развитой цивилизации. И хотя первоначальная предпосылка Лебона была ошибочной и даже в исторической перспективе преступной, в путешествиях он добыл огромный материал о жизни разных этносов. Так, побывав в Индии, он написал книги «Путешествие в Непал», «Цивилизации Индии», «Первые цивилизации Востока», «Памятники Индии» и выпустил два тома фотографий, что было тогда совсем в новинку. В любом случае, он искупил свой тогдашний научный предрассудок, представление о неравенстве рас, вниманием к конкретному материалу, который, как мы увидим при чтении, оказался

правдивее его теории. Она являлась строительными лесами, и важно уметь убрать эти леса, чтобы рассмотреть построенное здание.

Лебон являлся удивительным тружеником и новатором. Например, в 1892 году он случайно упал с лошади. И вот он пишет огромную книгу, посвященную верховой езде, снабженную множеством фотографий и схем, расчетов и чертежей, которая становится каноническим учебником для кавалеристов. Лебону удалось это сделать благодаря хорошему знанию физиологии не только людей, но и животных, а также использованию фотоаппарата как главного инструмента исследований.

«Психология народов» (1894) – краткая выжимка из многочисленных наблюдений во время путешествий. Эта книга, необычно концентрированная по изложению для любившего подробности Лебона, была вскоре переведена на 17 языков и стала одной из самых обсуждаемых новинок. Последовавшая сразу за ней «Психология толпы» (1895) была столь же сжатой и столь же востребованной на международном рынке. В русском издании две книги даже были объединены под одной обложкой: вторая рассматривалась публикой как продолжение первой сенсации. Лебон умел писать эффектно, так чтобы тезисы его запоминались, любил выступать и публично, например, на всемирных выставках в Париже – здесь его расизм принимался публикой, ведь всемирные выставки показывали власть «цивилизованных» государств над «коло-

ниями».

В конце XIX века популярность философа пошла на спад. Так, его книга «Психология социализма» (1898), где он пытался доказать, что никакого социализма быть не может, что он будет маскировать лишь исконную психологию каждого народа, обидела и оскорбила большинство французских политиков. Очарованный успехом у публики, Лебон писал всё публицистичнее, часто допуская поспешные выводы или невольно оскорбляя целые партии и народы. Чтобы вернуть себе признание, в 1901 году он начал устраивать завтраки, на которые приглашал ведущих ученых и журналистов. Также Лебон всё больше занимался философией отдельно от социологии, пытался установить общие законы развития мироздания и материи, а не только жизни, и даже написал письмо Альберту Эйнштейну, где заявил: это он, дескать, первым понял принцип относительности как главный принцип развития материи, и поэтому теория относительности – это теория Лебона. На это Эйнштейн ответил, что не может всерьез обсуждать вопрос с человеком, не имеющим ни одной научной работы по физике.

Академиком нашему философу стать не удалось, и он обвинял всех французских ученых в заговоре завистников против него. Эксперименты и ночная работа подорвали его здоровье, и после Первой мировой войны он переехал в пригород, продолжая изредка выступать в научных журналах.

Вклад Лебона в психиатрию и социальную психологию

признавали все. К его трудам обращались и внимательно, с карандашом их читали самые разные политики. Это Теодор Рузвельт, сделавший в 1914 году Лебона своим представителем во Франции в попытке избежать начала Первой мировой войны, Бенито Муссолини, Владимир Ленин, Итиро Мотоно, посол Японии во Франции (впоследствии министр иностранных дел в Японии), который переводил и пропагандировал книги Лебона. Его идея, что всемирная история есть история отдельных цивилизаций, потом была развита Освальдом Шпенглером, Арнольдом Тойнби, Львом Гумилевым, а его выводы о существовании коллективного бессознательного были в целом приняты Зигмундом Фрейдом. Повлиял Лебон и на педагогику. Так, его программа трудового обучения, не столько книгам, сколько ремеслам, была развита итальянским педагогом Марией Монтессори, создавшей современную систему детских садов. Идея восстания масс в эпоху индустриализации, превращения массы или толпы в основного субъекта истории развивалась такими разными по политическим и социальным позициям мыслителями, как Вальтер Беньямин, Хосе Ортега-и-Гассет, Мартин Хайдеггер, Жорж Батай, Герберт Маркузе и многими другими. При этом все они видели в появлении масс на исторической авансцене и положительную сторону, например, обострившееся у множества людей чувство причастности к истории и ответственности за нее.

Гюстав Лебон умер 13 декабря 1931 года в предместье Па-

рижа в возрасте 90 лет.

Мы публикуем его труды по русскому переводу 1896 года, сверив его с оригиналом и используя знак < > для исправления пропусков и ошибок перевода. Мы сохранили особенности написания имен и географических названий, давая в примечаниях современные варианты.

Александр Марков

профессор РГГУ и ВлГУ

Психология народов

Этот труд Лебона посвящен вопросу различного развития разных народов. Он начинается с гипотезы, которая сейчас не будет поддержана ни одним ученым – с отличия физиологии рас и, значит, предрасположенности к умственной и социальной деятельности. Но ложная гипотеза позволяет ему развить весьма верные мысли об устойчивости привычек или, как сейчас говорят, «паттернов» поведения, о роли элит и масс в развитии стран, о связи воспитания и образования с реальными условиями жизни. Лебон отказывается от понимания культуры и образования как некоторой отвлеченной нормы, которая может быть применена ко всем народам, но исследует, как воспитание каждый раз служит решению местных практических задач. Он исследует колониальную и внутреннюю политику ведущих стран, указывая, что централизованная модель Франции не только тормозит ее внутреннее развитие, способствуя вырождению, но и не позволяет развиваться ее колониям. Он с симпатией относится к опыту англоязычных стран, предвидя их будущее лидерство в мире, считая, что индивидуализм, практичность и дифференцированность задач больше всего соответствуют требованиям эволюционной адаптации человека как вида. Подробнее всего он говорит о социальных реакциях, показывая, что они связаны не только с качеством раздражения, но и с теми на-

выками, которые приобрел конкретный народ в ходе своего эволюционного развития.

Второй отдел

Как психологические черты рас обнаруживаются в различных элементах их цивилизаций

Глава I

История народов как следствие их характера

История в главных своих чертах может быть рассматриваема как простое изложение результатов, произведенных психологическим складом рас. Она проистекает из этого склада, как дыхательные органы рыб из жизни их в воде.

Раса (буквально «род, порождение») – один из ключевых терминов нашего философа, означающий этнос или группу этносов: людей, объединенных общим происхождением, единством территории и обычаев. Слово раса в его употреблении не имеет дискриминационного смысла, хотя Лебон различает психологию рас наравне с психологией индивидов. Мы обычно называем эту психологию «национальным характером», когда говорим, скажем, о скандинавской мрачности, итальянской веселости или французском

остроумии, хотя, разумеется, те методы, которыми исследуется этот тип коллективной психологии, со времен Лебона получили огромное развитие. Современный социолог не будет говорить о характере рас, но будет рассуждать о «привычках», «социальных практиках», «рамках поведения», «социальной адаптации», «структуре социальных взаимодействий» и т. д., и в этих мыслях найдется место и изучению эмоций или типичных реакций.

Без предварительного знания душевного склада народа история его кажется каким-то хаосом событий, управляемых одной случайностью. Напротив, когда душа народа нам известна, то жизнь его представляется правильным и фатальным следствием из его психологических черт. Во всех проявлениях жизни нации мы всегда находим, что неизменная душа расы сама тклет свою собственную судьбу.

Душа народа – восходящее к романтизму понятие об особом умонастроении, выражающемся в языке и обычаях каждого народа. В современной науке скорее будет говориться о «локальных структурах», «образцах поведения» или «системе социальных ритуалов и взаимодействий».

В особенности в политических учреждениях наиболее очевидно проявляется верховная власть расовой души. Нам легко будет доказать это несколькими примерами.

Возьмем сперва Францию, т. е. одну из мировых стран, испытавших наиболее глубокие перевороты, где в несколь-

ко лет учреждения изменялись по виду самым коренным образом, где партии кажутся не только различными, но как будто даже несовместимыми между собой. Но если мы посмотрим с психологической точки зрения на эти по-видимому столь несходные, на эти вечно борющиеся партии, то нам придется констатировать, что они в действительности обладают совершенно одинаковым общим фондом, точно представляющим идеал их расы. Непримиримые, радикалы, монархисты, социалисты, одним словом все защитники самых различных доктрин преследуют под разными ярлыками совершенно одинаковую цель: поглощение личности государством. То, чего они одинаково горячо все желают, — это старый централистский и цезаристский режим, государство, всем управляющее, все регулирующее, все поглощающее, регламентирующее малейшие мелочи в жизни граждан и увольняющее их таким образом от необходимости проявлять хоть малейшие проблески размышления и инициативы. Пусть власть, поставленная во главе государства, называется королем, императором, президентом, коммуной, рабочим синдикатом и т. д., все равно эта власть, какова бы она ни была, обязательно будет иметь один и тот же идеал, и этот идеал есть выражение чувств расовой души. Она другого не допустит.

Лебон верно отмечает, что во французской истории всегда доминировало стремление к централизации и контролю государственного аппарата (королевского

двора или, позднее, бюрократии) над различными сферами жизни, в том числе путем разработки общего литературного языка и общей системы образования.

Цезаристский – сосредоточивающий всю полноту власти в руках монарха и централизующий управление страной.

«Таков, – пишет очень глубокий наблюдатель Дюпон-Уайт, – особенный гений Франции: она не в состоянии успевать в некоторых существенных и желательных вещах, имеющих отношение к украшению или даже к сущности цивилизации, если не поддерживается и не поощряется своим правительством».

Шарль Брук Дюпон-Уайт (1807–1878) – французский экономист и политический деятель, участник революций 1830 и 1848 годов, сторонник активного вмешательства государства в экономику. Один из авторов идеи прогрессивного налогообложения. Его программу часто называют первой программой «государственного социализма».

Итак, если наша крайняя нервозность, наша большая склонность к недовольству существующим, та идея, что новое правительство сделает нашу участь более счастливой, приводят нас к тому, что мы беспрерывно меняем свои учреждения, то руководящий нами великий голос вымерших предков осуждает нас на то, что мы меняем только слова и внешность. Бессознательная власть души нашей расы тако-

ва, что мы даже не замечаем иллюзии, жертвами которой являемся.

Бессознательное – термин, который ввел немецкий философ-романтик и педагог Иоганн Фридрих Гербарт (1776–1841). Он исходил из того, что если сознание быстрее схватывает собственные явления, чем их причины, оно может не осознавать целого ряда причин и проходить «порог» бессознательного. Бессознательное – способность воспринимать какие-то явления внутренней жизни, какие-то эмоции, не понимая, истинны они или нет.

Если обращать внимание только на внешность, то трудно, конечно, представить себе другой режим, который бы сильнее отличался от старого, чем созданный нашей великой революцией. В действительности, однако, и в этом нельзя сомневаться, она только продолжала королевскую традицию, заканчивая дело централизации, начатой монархией несколько веков перед тем. Если бы Людовик XIII и Людовик XIV вышли из своих гробов, чтобы судить дело революции, то им, несомненно, пришлось бы осудить некоторые из насилий, сопровождавших его осуществление, но они рассматривали бы его как строго согласное с их традициями и с их программой и признали бы, что если бы какому-нибудь министру было ими поручено привести в исполнение эту программу, то он не выполнил бы ее лучше.

По сути, Лебон говорит о *бюрократии*, которая

возникла исторически во Франции как развитие придворной службы: так как одни высокопоставленные аристократы не могли обеспечить всю работу сложнейшего государственного механизма, нужно было привлекать и менее родовитых, но более усердных дворян. Так возникла бюрократия (буквально «власть письменного стола»), которая сохранялась как прослойка и как способ управления во всех революционных потрясениях, – более того, даже если новая власть отстраняла всех старых бюрократов, то на освободившиеся места она ставила собственную бюрократию. Мы можем вспомнить русскую революцию 1917 года, отменившую все правила и обычаи царской России, но при этом быстро создавшую собственную бюрократию, из революционных деятелей и представителей старого государственного аппарата, которая смогла запустить вновь все механизмы жизни страны. Ниже Лебон употребляет слово «бюрократия» в более узком и исторически более оправданном смысле – чиновники, не имеющие родовых привилегий и потому выступающие как безличная власть. Парадокс, – с него начинается следующий абзац, – о том, что революционное правительство наименее революционно, тоже может напомнить русскому читателю о советской власти. Последняя сразу после победы стала выстраивать жесткую систему управления и отчетности, учета и контроля, обычно создаваемую реакционными режимами, а революционные решения,

такие как «военный коммунизм», допускались только как временные.

Они сказали бы, что наименее революционное из правительств, какие когда-либо знала Франция, есть именно правительство революции. Кроме того они констатировали бы, что в течение столетия ни один из различных режимов, следовавших друг за другом во Франции, не пытался трогать этого дела: до такой степени оно – продукт правильного развития, продолжение монархического идеала и выражение гения расы. Без сомнения, эти славные выходцы с того света, ввиду их громадной опытности, представили бы некоторые критические замечания и, может быть, обратили бы внимание на то, что «новый строй», заменив правительственную аристократическую касту бюрократической, создал в государстве безличную власть, более значительную, чем власть старой аристократии, потому что одна только бюрократия, ускользая от влияния политических перемен, обладает традициями, корпоративным духом, безответственностью, постоянством, т. е. целым рядом условий, обязательно ведущих ее к тому, чтобы стать единственным властелином в государстве. Впрочем, я полагаю, что они не особенно настаивали бы на этом возражении, принимая во внимание то, что латинские народы, мало заботясь о свободе, но очень много – о равенстве, легко переносят всякого рода деспотизм, лишь бы этот деспотизм был безличным.

Латинские народы – мы обычно говорим

«романские народы», в противоположность «германским народам». Это этносы, чьи языки восходят к латыни, а многие местные политические и культурные институты – к наследию Римской империи, а не к «обычному праву» германских народов. Речь у философа идет именно о местных обычаях, а не об имперских законах, которые всегда соотносят себя с правом Древнего Рима, независимо от того, какие народы повинуются данной империи. Лебон усматривает в этом наследии истоки подчинения безличным правилам, общему сводному кодексу законов, в отличие от прецедентного права и «агентности» каждой личности в юридических контроверзах в Англии и США. В современном русском языке слово «латинский» сохраняется для романских народов Нового Света (Латинская Америка), а для Европы – это только «романский», то есть римский.

Может быть, они еще нашли бы совершенно излишними и очень тираническими те бесчисленные постановления, те тысячи пут, которые окружают ныне малейший акт жизни, и обратили бы внимание на то, что если государство все поглотит, все обставит ограничениями, лишит граждан всякой инициативы, то мы добровольно очутимся, без всякой новой революции, в полном социализме. Но тогда Божественный свет, освещающий верхи «сфер», или, за недостатком его, математические познания, учащие нас, что следствия растут в геометрической прогрессии, пока продолжают действовать

те же причины, дали бы им возможность понять, что социализм есть не что иное, как крайнее выражение монархической идеи, для которой революция была ускорительной фазой.

Божественный свет и сферы – возможно, образ взят из «Фауста» Гёте, где есть высшие сферы чистого Божественного познания, в которых причины и следствия земных дел видны со всей очевидностью.

Итак, в учреждениях какого-нибудь народа мы одновременно находим те случайные обстоятельства, перечисленные нами в начале этого труда, и постоянные законы, которые мы пытались определить. Случайные обстоятельства создают только названия, внешность. Основные же законы вытекают из народного характера и создают судьбу наций.

Вышеизложенному примеру мы можем противопоставить пример другой расы – английской, психологический склад которой совершенно отличен от французского.

Вследствие одного только этого факта ее учреждения коренным образом отличаются от французских.

Имеют ли англичане во главе себя монарха, как в Англии, или президента, как в Соединенных Штатах, их образ правления будет всегда иметь те же основные черты: деятельность государства будет доведена до минимума, деятельность же частных лиц – до максимума, что составляет полную противоположность латинскому идеалу. Порты, каналы, железные дороги, учебные заведения будут всегда со-

здаваться и поддерживаться личной инициативой, но никогда не инициативой государства. Ни революции, ни конституции, ни деспоты не могут давать какому-нибудь народу тех качеств характера, какими он не обладает, или отнять у него имеющиеся качества, из которых проистекают его учреждения. Не раз повторялась та мысль, что каждый народ имеет ту форму правления, какую он заслуживает. Трудно допустить, чтобы он мог иметь другую.

Личная инициатива — в английском языке даже есть для этого термин «агентность». Он означает способность самостоятельно действовать благодаря одному только заключению договора, а не благодаря совокупности качеств, как в «правосубъектности» романского мира, наследующего римскому праву, где правомочность субъекта выводилась из его общих с другими субъектами свойств, а не из прецедента личной инициативы. Перед нами еще один пример различия между «континентальным» правом, основанным на кодексе и сведении частных случаев к общим правилам, и «англосаксонским» правом, построенным вокруг прецедентных решений и не знающим общих правил, кроме принципов заключения контрактов.

Предшествующие краткие рассуждения показывают, что учреждения народа составляют выражение его души, и что если ему бывает легко изменить их внешность, то он не может изменить их основания. Мы теперь покажем на еще более ясных примерах, до какой степени душа какого-нибудь

народа управляет его судьбой и какую ничтожную роль играют учреждения в этой судьбе.

Учреждения (институты, институции) — в социологии времен Лебона это слово уже означало любые устойчивые образования в отношениях между людьми: институт семьи, институт образования, институт права, институт государственного управления и т. д. Лебон стремится показать, что при их сходстве у разных народов получаются разные результаты из-за различного употребления самих этих институтов. Последние в его системе являются чем-то вроде инструментов для реализации народного духа.

Эти примеры я беру в стране, где живут бок о бок, почти в одинаковых условиях среды, две европейские расы, одинаково цивилизованные и развитые, но отличающиеся только своим характером: я хочу говорить об Америке.

Она состоит из двух отдельных материков, соединенных перешейком. Величина каждого из этих материков почти равна, почвы их очень сходны между собой. Один из них был завоеван и населен английской расой, другой — испанской. Эти две расы живут под одинаковыми республиканскими конституциями, так как все республики Южной Америки списывали свои конституции с конституций Соединенных Штатов. Итак, у нас нет ничего такого, чем мы могли бы объяснить себе различные судьбы этих народов, кроме расовых различий. Посмотрим, что произвели эти различия.

В современной юридической науке существует понятие «латиноамериканское право», которое иногда еще называют «романо-германское право Нового Света». Суть его состоит в том, что гражданское и уголовное законодательство копировалось с французского, особенно с Гражданского кодекса Наполеона Бонапарта (в Мексике Кодекс Наполеона – до сих пор действующее законодательство), а конституция, например Мексиканская 1824 года, имела своим образцом Конституцию США.

Резюмируем сначала в нескольких словах черты англосаксонской расы, населившей Соединенные Штаты. Нет, может быть, никого на свете с более однородным и более определенным душевным складом, чем представители этой расы.

Преобладающими чертами этого душевного склада, с точки зрения характера, являются: запас воли, каким (может быть, исключая римлян) обладали очень немногие народы, неукротимая энергия, очень большая инициатива, абсолютное самообладание, чувство независимости, доведенное до крайней необщительности, могучая активность, очень живучие религиозные чувства, очень стойкая нравственность и очень ясное представление о долге.

С точки зрения интеллектуальной, трудно дать специальную характеристику, т. е. указать те особенные черты, каких нельзя было бы отыскать у других цивилизованных наций. Можно только отметить здравый рассудок, позволя-

ющий схватывать на лету практическую и положительную сторону вещей и не блуждать в химерических изысканиях; очень живое отношение к фактам и умеренно-спокойное к общим идеям и к религиозным традициям.

К фактам — вернее было бы перевести «к происходящему». Такая живая характеристика англичан и американцев во многом и сейчас образует «типаж», известный из романов и фильмов, который, чтобы выглядеть убедительным, дается обычно на фоне других национальных типажей. Так, посмотрев фильм с несколькими героями, мы выясняем, чем англичанин отличается от испанца или поляка.

К этой общей характеристике следует прибавить еще тот полный оптимизм человека, жизненный путь которого совершенно ясен и который даже не предполагает, что можно выбрать лучший. Он всегда знает, что требуют от него его отечество, его семья и его религия. Этот оптимизм доведен до того, что заставляет его смотреть с презрением на все чужеземное. Это презрение к иностранцам и к их обычаям превышает до известной степени в Англии даже то, какое некогда питали римляне в эпоху своего величия по отношению к варварам. Оно таково, что по отношению к иностранцу исчезает всякое нравственное правило. Нет ни одного английско-го политического деятеля, который не считал бы относительно другой нации совершенно законными поступки, рискующие вызвать самое глубокое и единодушное негодование, ес-

ли бы они практиковались по отношению к его соотечественникам. Несомненно, что это презрение к иностранцу, с точки зрения философской, есть чувство очень низменного свойства; но с точки зрения народного благосостояния, оно крайне полезно. Как это правильно заметил английский генерал Уолслей, оно есть одно из тех качеств, которые создают силу Англии. Кто-то очень удачно выразился по поводу их отказа (вполне, впрочем, основательного) позволить построить туннель под Ла-Маншем, который облегчил бы сношения Англии с материком, что англичане прилагают столько же старания, как и китайцы, чтобы воспрепятствовать всякому чужеземному влиянию проникнуть к ним.

Гарнет Уолслей (Уолсли) (1833–1913) – генерал (на момент выхода книги Лебона уже фельдмаршал) ирландского происхождения, знаменит операциями в Китае, Центральной Африке, Египте. Автор ряда военных реформ в Великобритании и Канаде.

Проекты строительства туннеля под Ла-Маншем выдвигались еще при Наполеоне, который, кстати, считал реализацию этого проекта реалистичной. В XIX веке британское правительство всегда останавливало такие начинания, опасаясь, что туннель будет использован Францией для вторжения. В конце концов, туннель (как железнодорожный) стали строить в 1881 году, но два года спустя работы были прерваны. Неудачей завершилось и другое строительство, начавшееся в 1922 году. Тоннель был открыт лишь

в 1994 году.

Все черты, которые только что перечислены нами, можно отыскать в различных общественных слоях; нельзя назвать ни одного элемента английской цивилизации, на который бы они не наложили своего глубокого отпечатка.

Разве не поражает это сразу каждого иностранца, посетившего впервые Англию? Он заметит потребность независимой жизни в хижине самого скромного работника, помещении, правда, тесном, но защищенном от всякого принуждения и уединенном от всякого соседства; на наиболее посещаемых вокзалах, где беспрерывно циркулирует публика, не будучи загоняема, как стадо смирных баранов за барьер, охраняемый жандармом, как будто только силой можно обеспечить безопасность людей, не способных находить в себе самих доли необходимого внимания, чтобы не задавить друг друга. Он найдет энергию расы как в напряженном труде работника, так и в труде учащегося, который, будучи предоставлен самому себе с малых лет, научается один руководить собою, зная уже, что в жизни никто не станет заниматься его судьбой, кроме него самого; у профессоров, очень умеренно налегающих на учение, но зато обращающих усиленное внимание на выработку характера, который они считают одним из величайших двигателей в мире.

Во Франции того времени на вокзалах ставились барьеры для разделения пассажиропотоков, за порядком следили жандармы. В Англии уже была

культура очередей, пассажиры соблюдали порядок у касс и при посадке в вагон, и барьеры нужны не были.

Лебон говорит о практике Оксфорда и Кембриджа, где профессора и студенты много занимались спортом, а аудиторных занятий проходило сравнительно немного, в противоположность Франции, где были приняты длительные лекции и большие домашние задания, требовавшие часто сидеть над ними ночами.

Уполномоченный английской королевой определить условия получения ежегодного приза, назначенного ею для Колледжа Веллингтона, принц Альберт решил, что он будет присуждаться не тому воспитаннику, который оказал наибольшие успехи в науках, но тому, за кем будет признан наиболее возвышенный характер. Все наше образование (понимая под ним то, что мы считаем высшим образованием) заключается в том, чтобы заставлять молодежь пересказывать лекции. Она и впоследствии до такой степени сохраняет эту привычку, что продолжает повторять давно затверженное в продолжение всей остальной своей жизни.

Колледж Веллингтона – одно из самых престижных средних учебных заведений Англии, основан королевой Викторией и ее мужем принцем Альбертом. Помимо учебы и спорта, большое внимание здесь уделялось рисованию, декламации стихов, театру, и именно занятия спортом и искусствами позволяли оценить возвышенность характера.

Вникая в общественную жизнь гражданина, он увидит,

что если нужно исправить источник в селе, построить морской порт или проложить железную дорогу, то апеллируют всегда не к государству, а к личной инициативе. Продолжая свое исследование, он скоро узнает, что этот народ, несмотря на недостатки, которые делают его для иностранца самой несносной из наций, один только истинно свободен, потому что он только один научился искусству самоуправления и сумел оставить за правительством минимум деятельной власти. Если пробегаешь его историю, то видишь, что он первый сумел освободиться от всякого господства — как от господства церкви, так и от господства автократов. Уже с XV века Фортескью противопоставлял римский закон, наследие латинских народов, английскому закону: один является делом автократизма и весь проникнут тем, чтобы пожертвовать личностью; другой — дело общей воли и всегда готов защищать личность.

Сэр Джон Фортескью (ок. 1394—ок. 1476) — британский юрист, предшественник абсолютистской теории власти, автор трактата «В похвалу законам Англии». Именно к нему восходит теоретическое противопоставление англосаксонского и римского права, кратко изложенное Лебоном.

В какое бы место земного шара подобный народ ни переселился, он немедленно станет господствующим и положит основание могущественным империям. Если поработенная им раса, например, краснокожие в Америке, достаточно сла-

ба, но недостаточно полезна, она будет систематически искоренена. Но если порабощенная раса, например, народности Индии, слишком многочисленна для того, чтобы быть уничтоженной, и может между прочим доставлять продуктивный труд, то она будет просто приведена в состояние очень суровой вассальной зависимости и вынуждена работать исключительно на своих господ.

Но особенно в такой новой стране как Америка можно следить за теми удивительными успехами, которые обязаны своим существованием только душевному складу английской расы. Переселившись в страны без культуры, едва населенные немногими дикими, и не имея возможности ни на кого рассчитывать, как только на самое себя, всем известно, чем она сделалась. Ей нужно было менее одного столетия, чтобы стать в первом ряду великих мировых держав, и ныне нет никого, кто бы мог вступить в состязание с нею.

Я рекомендую прочесть книгу господина Рузье о Соединенных Штатах лицам, желающим составить себе понятие об огромной массе инициативы и личной энергии, расходуемой гражданами великой республики. Способность людей самоуправляться, объединяться для учреждения крупных предприятий, основывать города, школы, гавани, железные дороги и т. д. доведена до такого максимума и деятельность государства низведена до такого минимума, что можно сказать, что там почти не существует государственной власти.

Речь о книге Поля де Рузье «Промышленные

монополии (тресты) в Соединенных Штатах». Существует ее русский перевод, вышедший в 1899 году.

Помимо полиции и дипломатического представительства, даже нельзя придумать, к чему она могла бы служить.

Впрочем, благоденствовать в Соединенных Штатах можно только под условием обладания качествами характера, какие я только что описывал, и вот почему иммиграции иностранцев не могут изменить основного духа расы.

Условия существования таковы, что тот, кто не обладает этими качествами, осужден на быструю гибель. В этой атмосфере, насыщенной независимостью и энергией, может жить один только англосакс. Итальянец умирает там с голода, ирландец прозябает в низших занятиях.

Великая республика есть, конечно, земля свободы, но вместе с тем, она не земля ни равенства, ни братства. Ни в одной стране на земном шаре естественный подбор не давал сильнее чувствовать своей железной лапы. Он здесь проявляется безжалостно; но именно вследствие его безжалостности, раса, образованию которой он способствовал, сохраняет свою мощь и энергию.

На почве Соединенных Штатов нет совсем места для слабых, заурядных и неспособных. Отдельные индивидуумы и целые расы осуждены на гибель в силу одного только того факта, что они низшие. Краснокожие, став бесполезными, были истреблены железом и голодом; китайцы-работники, труд которых составляет очень неприятную конкуренцию,

скоро подвергнутся той же участи. Закон, которым постановлено было их совершенное изгнание, не мог быть применен из-за громадных расходов, каких стоило бы его исполнение. Но и помимо закона они будут подвергаться систематическому уничтожению, что отчасти уже практикуется в некоторых округах. Другие законы были недавно вотированы с тем, чтобы запретить доступ на американскую территорию бедным эмигрантам. Что касается негров, которые служили предлогом для аболиционистской войны, войны между теми, кто владел рабами, и теми, кто сам не владел и другим не позволял владеть ими, то они едва терпимы в обществе, будучи всегда связаны с теми низшими занятиями, которых не захотел бы взять на себя ни один американский гражданин. В теории они имеют все права; но на практике с ними обращаются как с полезными животными, от которых стараются избавиться, когда они становятся опасными. Короткая расправа по закону Линча признается повсюду для них совершенно достаточной.

Китайских эмигрантов во времена Лебона в США было около 300 тысяч человек. В отличие от африканцев, получивших все права гражданства в 1870 году, дети Поднебесной, занятые в основном в сельском хозяйстве и на строительстве обычных и железных дорог, были лишены права на приобретение гражданства. Закон 1882 года прекратил дальнейшую иммиграцию, а в 1904 году запрет на получение китайцами американских паспортов стал бессрочным.

Он был отменен лишь в 1943 году из-за союзнических обязательств во Второй мировой войне. В настоящее время в США около 5 миллионов китайцев, и как и любые родившиеся в США люди, они имеют гражданство по праву рождения.

Закон Линча – название для внесудебных расправ (казнь или изгнание из города) в южных штатах над африканцами, по обвинению в участии в организованной преступности, а также над теми, кого южане-расисты считали своими врагами – прежде всего над итальянскими и ирландскими католиками и евреями, которых расисты обвиняли в спекуляциях, саботаже и образовании этнических мафий.

При первом серьезном преступлении их расстреливают или вешают. Статистика, знающая только часть этих казней, зарегистрировала их 1100 только за последние семь лет.

Это, конечно, темные стороны картины. Она достаточно ярка, чтобы сделать их незаметными. Если бы нужно было определить одним словом различие между континентальной Европой и Соединенными Штатами, то можно было бы сказать, что первая представляет максимум того, что может дать официальная регламентация, заменяющая личную инициативу; вторые же – максимум того, что может дать личная инициатива, совершенно свободная от всякой официальной регламентации. Эти основные различия являются следствиями характера. Не на почве суровой республики имеет шансы привиться европейский социализм.

Мы видим подтверждение последнего тезиса на различии в употреблении слова «либерал» в наши дни – в Европе это слово означает либеральный социалист, либералы ближе к социал-демократам, чем к консерваторам, тогда как в США и Великобритании либерал – противник расширения социальной поддержки, сторонник свободы предпринимательства и жесткой конкуренции и поэтому может вступать в союз как с демократами, так и с консерваторами.

Будучи последним выражением тирании государства, он может процветать только у старых рас, подчинявшихся в продолжение веков режиму, отнявшему у них всякую способность управлять самими собой.

Мы только что видели, что произвела в одной части Америки раса, обладающая известным душевным складом, в котором преобладают настойчивость, энергия и воля. Нам остается показать, что стало почти с той же самой страной в руках другой расы, хотя очень развитой, но не обладающей ни одним из тех качеств характера, о которых мне пришлось только что говорить.

Южная Америка, с точки зрения своих естественных богатств, – одна из богатейших стран на земном шаре. В два раза большая, чем Европа, и в десять раз менее населенная, она не знает недостатка в земле и находится, так сказать, в распоряжении каждого. Ее преобладающее население – испанского происхождения и разделено на много республик: Арген-

тинскую, Бразильскую, Чилийскую, Перуанскую, и т. д. Все они заимствовали свой политический строй от Соединенных Штатов и живут, следовательно, под одинаковыми законами. И за всем тем, в силу одного только расового различия, т. е. вследствие недостатка тех основных качеств, какими обладает раса, населяющая Соединенные Штаты, все эти республики без единого исключения являются постоянными жертвами самой кровавой анархии, и, несмотря на удивительные богатства их почвы, одни за другими впадают во всевозможные хищения, банкротство и деспотизм. Нужно просмотреть замечательный и беспристрастный труд Т.Чайльда об испаноамериканских республиках, чтобы оценить глубину их падения. Причины его коренятся в душевном складе расы, не имеющей ни энергии, ни воли, ни нравственности. В особенности отсутствие нравственности превосходит все, что мы знаем худшего в Европе. Приводя в пример один из значительнейших городов, Буэнос-Айрес, автор объявляет его совершенно невозможным для жительства тем, кто сохранил еще хоть малейшую совесть и нравственность.

В Южной Америке в XIX веке шла добыча тех ископаемых, которых в Европе было мало, прежде всего драгоценных и полудрагоценных камней, а также золота, серебра, меди. Добыча обходилась дешевле, чем в Европе, и это привело к стремительному экономическому подъему Латинской Америки, сопоставимому, например, с нынешним нефтяным подъемом Объединенных Арабских Эмиратов. Буэнос-

Айрес был «Дубаем» того времени.

Представление о Латинской Америке как мире вседозволенности обязано целому ряду обстоятельств, некоторые из которых сохраняются до наших дней. Все мы знаем из телевизора и газет о наркокартелях Мексики и Колумбии, о жестокости сравнительно недавних диктатур в Аргентине и Чили, о злоупотреблениях и коррупции в Бразилии и Аргентине, о политическом коллапсе в Никарагуа и Венесуэле, о «фавелах» (районах и целых городах трущоб), мексиканских иммигрантах в США и т. д. Конечно, негативные стороны политической и общественной жизни этих стран составляли и составляют только часть их существования, но наблюдателю, привыкшему к сравнительно строгим нравам и общественному контролю старой Европы, видеть всё это было дико. Контрабанда, проституция, бандитизм, коммерческое мошенничество — вот что писали о Латинской Америке в газетах времен Лебона. Примерное представление об этом может дать юг СССР во времена НЭПа, как он представлен в романах И. Ильфа и Е. Петрова, и не случайно Остап Бендер, главный герой этих произведений, мечтает об эмиграции в портовый Рио-де-Жанейро. Нужно заметить, что строгость нравов в Европе тоже появилась не сразу. Например, в Германии XIX века часто изображали Францию как страну разврата, противопоставляя ей местную любовь к порядку и семейные ценности. Но

все это в германских странах не существовало всегда, а сложилось под воздействием множества факторов, начиная с позиции вождей церковной Реформации и кончая экономическим влиянием Англии, которая и формировала промышленные и военные стандарты в этих государствах, основанные на индивидуальной ответственности и мобилизации. Еще в XVIII веке репутация немцев в Европе была противоположной. Считалось, что это люди шумные, дикие, не приученные к порядку. А в XIX веке изделия немецкой промышленности воспринимались как дешевая некачественная подделка британских образцов, как нечто ремесленное в сравнении с высоким качеством английской сверхсовременной индустрии. Лишь к концу XIX столетия немецкая промышленность утвердила свою репутацию высокого качества – примерно то же самое в наши дни происходит с Китаем. Как сказано в авангардистской поэме Блэза Сандрара «Проза о транссибирском экспрессе» (1913): «Мы взяли тридцать четыре чемодана дешевой бижутерии Made in Germany».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.